

Дарья Сергеевна Митюрева

аспирант

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: dmiturova@yandex.ru

РАННЕЕ ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ЖАНА БОДЕНА В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В Англии на рубеже XVI–XVII столетий сложилась особенная политико-правовая традиция, базирующаяся на осмыслении большого количества правовых, исторических, литературных нарративов и устоявшихся мифов о власти и государстве. В частности, интеллектуальная деятельность антикварных сообществ заложила основы специфических национальных представлений о прошлом страны. С одной стороны, размышления о процессе формирования и роли права в английской истории приводили к осознанию национальной исключительности англичан. С другой стороны, новые политические и правовые ценности, формировавшиеся по всей Европе, наполняли новым смысловым содержанием средневековые структуры и определения. Дискуссии о прерогативах королевской власти, ее лимитах и механизмах ее регулирования являлись характерной особенностью не только локальной, но и всей европейской интеллектуальной общности.

По сложившейся историографической традиции тюдоровская и раннестюартовская эпоха трактуется как время разработки английскими теоретиками новых аспектов в концепции государства и монархической власти. Термин «суверенитет» появляется в политической лексике Англии уже в период осуществления Реформации, которая закрепила складывавшуюся веками идею, согласно которой английская государственность и английская церковь изначально пребывали в состоянии фактической независимости от Римской церкви. Соответственно, под «суверенитетом» понималась прежде всего независимость от какой бы то ни было внешней власти, а также неограниченное право повелевать церковной и светской сферами жизни¹. Столь широкое толкование королевской власти вызывало возражение и порождало дискуссии о королевских прерогативах. Стержнем юридической конструкции стала формула «король в парламенте», означавшая, что законодательная инициатива находится в сфере совместной компетенции монарха и сословно-представительного органа. Эта концепция проводилась в сочинении Кристофера Сент-Жермена «Доктор и студент, или Диалоги между доктором теологии и студентом, изучающим право Англии» (1518) и трактате Томаса Смита «Английская республика» (1566). Современные исследователи подчеркивают единство короны и парламента, их стремление находить консенсус. Подобное соединение королевской власти с парламентской было не просто теоретической концепцией. Без него невозможно было обойтись в конкретных условиях английского общества. Однако это не исключало конфликтов между королевской властью и парламентом.

Имя Жана Бодена можно часто встретить на страницах политических сочинений английских мыслителей раннего Нового времени. Каналы, через которые идеи Бодена попали на английскую почву, а также степень влияния его теории государства на по-

¹ *Кондратьев С. В.* В праве места нету «суверенитету» (об одном коротком обсуждении в парламенте 1628 г.) // *Европа: международный альманах.* 2003. № 3. С. 67–74.

литическую мысль Англии, плохо изучены. На английский язык основополагающий труд Жана Бодена «Шесть книг о государстве» был впервые полностью переведен в 1606 г. историком Ричардом Кноллесом. Однако трактат, вышедший в свет во Франции в 1576 г., уже к 1581 г. был распространен в высших кругах Англии. В своем предисловии к переизданию «Шести книг» 1586 г. Боден пишет, что во время своего путешествия в Англию с герцогом Анжуйским, в Кембридже он слышал, как некто пытался интерпретировать его книгу¹.

Одним из способов знакомства с идеями Бодена до перевода Кноллеса тех, кто не читал на французском или латинском языках, были английские переводы других французских работ, в которых цитировался Боден. Например, трактат Пьера де ла Примодэ «Французская академия» (1577) был переведен на английский в 1586 г. Он содержал боденовское определение суверенитета и перечислял выделенные им признаки суверенитета. За три десятилетия данный перевод выдержал 7 переизданий (1589, 1594, 1601, 1602, 1605, 1614, 1618).

Но все же большинству англичан, принадлежавших к интеллектуальной элите, был доступен вариант на французском и латинском языках. В данной статье мы попытаемся рассмотреть несколько малоизвестных, но показательных сочинений, вышедших до перевода Кноллеса, в которых можно найти ссылки на Бодена.

Первая работа, в которой можно безусловно увидеть влияние Бодена, — трактат Чарльза Мэрбери «Краткое рассуждение о королевской монархии», опубликованный в 1581 г. Мэрбери длительное время провел в Италии, а незадолго до выхода трактата, по его собственным словам, был во Франции². Мэрбери интересуется традиционный для данного периода вопрос о лучшей форме правления. Таковой он называет монархию. Согласно его позиции, при монархической форме правления «государь должен обладать силой, которую в латинском языке называют *majestas*, в итальянском — *signoria*, во французском — *souveraineté*: что значит власть полную и постоянную над всеми своими подданными в целом и над каждым в отдельности»³. Здесь автор практически дословно приводит боденовское определение: «суверенитет — это абсолютная и постоянная власть в одном государстве»⁴. Первым признаком суверенитета Боден называет «власть давать закон всем в общем и каждому в отдельности»⁵.

Однако Мэрбери берет только часть теории, которая не противоречит английской правовой традиции. Если для Бодена право принятия, отмены и обнародования закона составляет сущность суверенитета, то у Мэрбери государь «повинуется закону гражданскому и общему, обычаям, привилегиям, договорам и всем видам обещаний»⁶. Автор говорит, что во власти государя «позволять и запрещать выносить на обсуждение вопросы о принятии законов», но он не может принять закон единолично⁷. Таким образом, для Мэрбери определение *full* характеризуется только

¹ *Baudrillart H.* Jean Bodin et son temps. Paris, 1853. P. 129.

² *Allen J. W.* A History of Political Thought in the XVI Century. London, 1961. P. 250.

³ “That is the power full and perpetual over all his subjects in general, and over everyone in particular” (*Merbury Ch.* A Brief Discourse of Royall Monarchie. New York, 1972. P. 40–41).

⁴ “La souveraineté est la puissance absolue et perpétuelle d’une République” (*Bodin J.* Les six livres de la République. L. I. Paris, 1986. P. 179).

⁵ “C’est la puissance de donner loy à tous en gênerai, et à chacun en particulier” (*Bodin J.* Op. cit. P. 306).

⁶ *Merbury Ch.* Op. cit. P. 44.

⁷ *Ibid.* P. 51.

лишь неподчинением государя другой высшей власти в своем государстве или за его пределами.

Интересным является политический памфлет Ричарда Бэкона об Ирландии «Глупость Солона» (*Solon His Follie*, 1594), который внес немалую лепту в формирование идеологии колониализма. Бэкон называет Бодена «человеком большого понимания» (*a man of great understanding*)¹. В памфлете встречается 20 ссылок на латинский вариант «Шести книг». В большинстве случаев Бэкон использует трактат как своеобразную «энциклопедию», содержащую богатый материал исторических и географических примеров. Он подбирает цитаты о выплате жалования военным², о системе налогообложения³, о земельных наделах⁴. Бэкон использует рассуждения Бодена в качестве аргумента против размещения «вечных» гарнизонов на завоеванных территориях⁵. В конечном счете все цитаты объединяет восприятие Бэконом Бодена как символа сильной централизованной власти, но в отличие от других реципиентов боденовской теории, он не делает акцента на определении и признаках суверенитета.

Неоднократно исследователями отмечалось, что идеи Бодена повлияли на формирование мысли Якова I Стюарта⁶, который имел в своей библиотеке «Шесть книг о государстве»⁷. Еще до вступления на английский престол, будучи шотландским королем, Яков Стюарт опубликовал «Истинный закон свободных монархий» (1598). Одно из положений «Истинного закона» — тезис о совершенстве монархии: «...форма правления, являющаяся подобно божественной, ближе всего приближается к совершенству, с чем изначально согласились все ученые и мудрецы...»⁸. Боден утверждает, что королевская власть «ближе всего к природе и утверждена Богом», более того, она была «единодушно одобрена всеми наиболее известными в славе своей народами»⁹. Таким образом, оба автора подчеркивают, что монархия стала прямым установлением Божьим, соединив политическую теорию абсолютизма с божественным правом королей, гласившим, что короли получают свою власть непосредственно от Бога, а не в силу договора с подданными и, соответственно, отдают отчет в своих действиях только Всевышнему. В этом мы можем наблюдать стремление мыслителей поставить суверена над законом, неудивительно, что их политические теории традиционно интерпретируются как теории неограниченной монаршей власти.

Однако можно утверждать, что абсолютный монарх как у Якова I, так и у Бодена не являлся тираном, не связанным никакими рамками. Более того, божественное право короля свидетельствовало не столько о прерогативах, сколько об обязанностях монарха править в соответствии с божественными и естественными законами. В самом существе божественной прерогативы были заложены ограничения произвола королев-

¹ *Beacon R.* *Solon His Follie*. New York, 1996. P. 138.

² *Ibid.* P. 113.

³ *Ibid.* P. 115.

⁴ *Ibid.* P. 140–141.

⁵ *Ibid.* P. 136.

⁶ *Bourdin B.* *The theological-political origins of the modern state: the controversy between James I of England and Cardinal Bellarmine*. Washington, 2010. P. 83; *Patterson W. B.* *King James VI and I and the reunion of Christendom*. New York, 2000. P. 27–28.

⁷ *Warner G. F.* *The Library of James VI, 1573–1583*. Edinburgh, 1893. P. XIII.

⁸ *The political Works of James I*, reprinted from the edition of 1616 / Ed. by C. H. McIlwain. Cambridge, 1918. P. 53.

⁹ *Боден Ж.* *Метод легкого познания истории* / ред. М. С. Бобкова. М., 2000. С. 252.

ской власти. Об этом свидетельствует и полное название самого раннего сочинения Якова I — «Истинный закон свободных монархий, или Обоюдный и взаимный долг между свободным королем и его подлинными подданными». Позднее Яков I, раскрывая перед парламентариями свое понимание королевской власти, заявлял, что «...власть предписана Богом для созидания, не для разрушения. Хотя Бог имеет власть как разрушения, так и созидания, согласно разуму, Бог не будет применять свою власть для разрушения природы»¹. «Закон Бога и природы» на тех же основаниях ограничивает и «абсолютного» государя у Бодена². Таким образом, в этом случае понятия «свобода» и «абсолютный» можно опять же трактовать как характеристики экстраординарной прерогативы, т. е. независимости в первую очередь от каких-либо иностранных государей или римского папы.

Были и такие теоретики, которые не могли провести соответствия между французской формулировкой суверенитета и английской правовой реальностью. Юрист Уильям Фулбек был хорошо знаком с французской политической мыслью: в двух его трактатах «Параллель между гражданским законом, каноническим правом и общим правом в Английском государстве» (1601) и «Пандекты права народов» (1602) можно встретить отсылки не только к Бодену, но даже в большей степени к Гийому Бюде и Франсуа Отману.

Для Фулбека общее право стоит выше государя и даже выше «короля в парламенте». Он категорически отвергает разграничение, которое проводит Боден между законом и обычаями: общее право для него вбирает в себя и то и другое в равной степени³. Более того, он замечает, что «общее право может быть изменено скорее согласно разуму, чем суверенитету, скорее путем соглашения, чем команды»⁴. При этом Фулбек не имеет в виду изменение общего права посредством парламентского акта. Статуты и акты парламента выступают в качестве законов, но они подчиняются общему праву королевства. Таким образом, он не подчеркивал роль парламента в политической системе, а давал общему праву независимый статус и связывал его с законом разума. В этой трактовке общее право, на котором базировалась вся система английской государственности, является «носителем» суверенитета в том виде, в каком его предлагает Боден.

Еще один сюжет, который привлекал английских мыслителей в «Шести книгах», заслуживает особого внимания. Его краткая и четкая формулировка суверенитета могла быть использована как контраргумент против католических мыслителей по вопросу о главенстве государя в вопросах веры. С этой целью цитировал Бодена сэр Джон Хейворд в своем «Ответе на первую часть основных идей касательно преемственности», опубликованном в 1603 г. Государь, по его мнению, является сувереном, который, связанный только законами Бога и природы, ни перед кем не должен отчитываться⁵. В более позднем «Докладе о верховной власти в религиозных делах» (1606) он пишет: «...как можно почитать государя, который в государственных делах подотчетен чужой

¹ The political Works of James I... P. 308.

² Bodin J. Op. cit. P. 188.

³ Fullbecke W. The Pandectes of the Law of Nations. London, 1602. P. 92.

⁴ Fullbecke W. A Parallele or Conference of the Civill Law, the Canon Law, and the Common Law of this Realme of England. London, 1618. The Epistle.

⁵ Dowling M. Sir John Hayward's troubles over his life of Henry IV // The Library. Ser. 4. 1930. XI. P. 219.

юрисдикции (папской) даже больше, чем перед самим собой?»¹. Затем он приводит цитату Бодена о важности неделимости суверенитета².

Аналогичную картину можно наблюдать в работах богослова Ричарда Гукера. Трактат «О законах церковного устройства» также призван оградить Англиканскую церковь от нападков со стороны Рима. Данная позиция не многим отличается от попыток Бодена поставить национальные интересы Франции над религиозными вопросами. В этом контексте идея суверенитета тесно связана с поисками национального единства.

Таким образом, не может быть сомнений в том, что в период между 1581 и 1606 гг. определение суверенитета Жана Бодена стало частью английской политической мысли. Первоначально, формулировка Бодена была воспринята в полном варианте, позднее — элемент, связанный с законом природы, выпал. Эта трансформация была связана с адаптацией понятия к специфическим английским условиям и проблемам.

В этот период появилось несколько десятков трактатов и памфлетов, использовавших и распространявших идеи Бодена в Англии, из которых были рассмотрены наиболее показательные. Боден предоставил в распоряжение английских мыслителей краткую и четкую формулировку самой идеи суверенитета. Скорее всего, Уильям Вон имел в виду именно то, что «Шесть книг» стали важным инструментом в политической полемике о королевских прерогативах, когда написал: «...Боден, чьим взглядам больше всего аплодировали...». Кроме того, аргументы французского мыслителя выстраивались с помощью исторических примеров: как известно, в политической культуре раннего Нового времени любое изменение имело шансы на успех лишь в том случае, если его инициатор успешно доказывал, что предлагаемое им «новшество» укоренено в древней, и потому более совершенной, традиции.

В начале XVII в. сторонники усиления королевской власти понимали, что прерогативы — это не только полномочия, но и ограничения, и поэтому стремились, с одной стороны, расширить их, с другой — обосновать право монарха единолично решать все государственные вопросы, в частности изменять законы королевства. Таким образом, в первую очередь идеи Бодена могли служить дополнительным основанием легитимности королевской власти, аргументом в вопросе о принадлежности законодательной инициативы, а также при защите национальных интересов.

¹ Hayward J. A Report of a Discourse Concerning Supreme Power in Affaires of Religion. London, 1606. P. 11.

² Ibid. P. 13.